

М.И. Артамонов

Этногенез восточных славян

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
М11

М11 **М.И. Артамонов**
Этногенез восточных славян: Том 1 / М.И. Артамонов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 290 с.

ISBN 978-5-458-27485-2

Материалы и исследования по археологии СССР, № 6. Этногенез восточных славян. Том 1. Под редакцией М.И. Артамонова. Данный том посвящен истории и археологии различных восточнославянских племен и Древней Руси IX-XI вв. Среди рассматриваемых проблем - медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в.; Славяно-русские поселения IX-XII вв. на Дону; Славянское городище IX-X вв. в Южном Белозерье; Северные восточнославянские племена и др.

ISBN 978-5-458-27485-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	7
П. Н. Третьяков. Северные восточно-славянские племена	9
Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст.	56
П. А. Сухов. Славянское городище IX—X ст. в Южном Белозерье	89
Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки (археологическая карта)	93
Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в.	149
И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам .	191
М. А. Тиханова. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры	247
Ф. Д. Гуревич. Збручский идол	279

SOMMAIRE

	Pages
Avant-propos	7
P. Tretjakov. Les tribus nord des slaves orientaux.	9
J. Stankevič. Sur la composition ethnique de la population de la région volgienne de Yaroslavl aux IX—X ^e siècles .	56
P. Suchov. Un gorodistché slave des IX—X ^e siècles dans le sud de la région du lac Biéloïé	89
N. Černiagin. Les „tumulus longs“ et les „sopki“ (carte archéologique)	93
N. Voronin. Le culte de l'ours dans la région de la Volga moyenne au XI ^e siècle.	149
I. Liapuškin. Les stations slavo-russes des IX—XII ^e siècles sur le Don et dans la presqu'île de Taman d'après les données archéologiques	191
M. Tichanova (M. Tikhanova). La culture des régions occidentales de l'Ukraine aux premiers siècles de notre ère	247
F. Gurevič. L'idole du Zbruč	279

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпуская первый сборник работ по этногенезу восточных славян, ИИМК открывает серию публикаций, посвященных одной из самых важных и острых научных проблем, издавна привлекавшей к себе внимание не только ученых, но и широкой общественности. Первая задача, которую Институт считает для себя возможным разрешить в ближайшие годы, заключается в опубликовании и исследовании в связи с проблемой происхождения восточных славян накопленных наукой археологических материалов, этих наиболее беспристрастных и объективных свидетельств далекого прошлого, до сих пор вследствие разных причин не пользовавшихся в кругу историков признанием в качестве полноценного исторического источника.

Крайне ограниченное количество письменных известий о древнейшей истории славян позволяет установить несколько не связанных или мало связанных между собою фактов, совершенно недостаточных для того, чтобы составить сколько-нибудь отчетливую картину славянского этногенеза и допускающих, поэтому, возможность самых разнообразных предположений и домыслов. Еще менее состоятельной в решении этой проблемы оказалась индоевропейская лингвистика, исходящая из учения о праязыках и пранародах и объясняющая происхождение современных славян, в том числе и восточных, расселением в разные стороны из определенного места, «прародины», славянского пранарода и возникновением в связи с этим, вместо единого славянского праязыка, многих славянских языков и диалектов.

Новое учение об языке, так называемая яфетическая теория акад. Н. Я. Марра, перевернуло учение о развитии языка с головы на ноги и явилось теорией, в свете которой археологические данные получили важнейшее значение для исследования проблем этногенеза. Учение о стадийности в развитии языка и о скрещении, как об одном из важнейших путей словообразования, в увязке с диалектико-материалистической теорией перехода от одного этапа общественного развития к другому раскрывает содержание тех изменений в материальной культуре, какие устанавливаются археологическими исследованиями. Язык оказывается тесно связанным с другими элементами культуры, изменяющимся в зависимости от перемен в материальном производстве, общественной организации и отражающем их сознании.

Этнические признаки не замыкаются языком, а распространяются и на другие стороны культуры как духовной, так и материальной. В виду этого имеется возможность сопоставления явлений в области языка с явлениями, овеществленными в археологических памятниках. Таким образом не только лингвистика, но и археология может служить в деле изучения этнической истории и притом не абстрагированной от времени и пространства, а совершенно конкретной по своему содержанию. В этом отношении археология представляет серьезные преимущества перед лингвистикой и дает последней необходимую опору для заключений. Н. Я. Марр высоко оценивал значение археологии и в увязке лингвистики с историей материальной культуры видел основу для развития нового учения об истории языка, а следовательно, и этноса.

Основное затруднение, встающее перед археологией при исследовании проблемы этногенеза, заключается в том, чтобы правильно оценить то или другое явление как стадийное или этническое, т. е. как свойственное определенному этапу социально-экономического развития в широком распространении более или менее общих географических и исторических условий или только данному этническому образованию в его строгой ограниченности. Невозможно указать общий принцип, который следует положить в основу такой оценки, а следовательно, и отбора этнических признаков в археологических данных, так как то или другое широко распространенное стадийное явление обычно выступает в каждом отдельном случае в своеобразной этнической окраске, и, наоборот, признаки этнографического порядка генетически восходят к явлениям стадийного значения. Не останавливаясь на детальном рассмотрении этого методического вопроса, отметим, что во всех случаях археологического исследования этнических проблем к изучению должна быть привлечена совокупность этнических признаков, причем так же, как и в языке, напрасно было бы искать в этих археологических признаках полной неизменности.

Этнос, как и основной его признак язык, — категория историческая, т. е. имеющая свое начало и конец. Отсюда возникает другой трудный вопрос — каким образом определить момент перехода из одного этнического состояния в другое? Конкретно в данном случае речь может идти о процессе становления славянских этни-

ческих образований, а следовательно, об определении тех этнических групп, которые предшествовали их возникновению. Славян как одного народа никогда не существовало. Но этнографическая и языковая общность славянства — факт, не нуждающийся в доказательствах. Эта общность очевидно является результатом исторического развития славянских народов в тот период, когда они становились славянскими, ибо последующая история представляет их слабо связанными между собой, развивающимися особыми путями, обуславливающими не столько схождение, сколько разведение этих народов в культурно-этническом отношении. Не приходим ли мы таким образом к славянскому пра-народу? Конечно нет, так как процесс славянского этногенеза есть явление стадияльное в том смысле, что в определенных исторических условиях славянами становились ранее различные этнические группы и это различие со времени их превращения в славян не исчезало,

а, наоборот, являлось условием возникновения не одного, а многих славянских народов. Этот путь славянского этногенеза констатируется не только лингвистически с позиций нового учения об языке Н. Я. Марра, но и археологически. Археология к тому же подводит еще и к определению этого процесса во времени и вместе с тем к вопросу о одновременности возникновения различных групп славянства.

Сейчас еще преждевременно строить теорию славянского этногенеза во всей ее полноте; вместе с тем было бы неразумно пускаться в большое плавание без компаса и плана. Коллектив ИИМК в своих работах над проблемой, обозначенной в заглавии настоящего сборника, руководствуется теоретическими положениями нового, диалектико-материалистического учения об языке Н. Я. Марра и с точки зрения этого учения рассматривает археологический материал.

М. И. Артамонов

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

СЕВЕРНЫЕ ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ В НАЧАЛЕ НАШЕЙ ЭРЫ

I

Население Восточной Европы в первые века нашей эры было крайне неоднородным по степени своего экономического, социального и культурного развития. Различные исторические условия существования, сохраняющие свои основные черты в течение столетий, разделяли племена Восточной Европы на две группы — южную, так или иначе связанную с древним Причерноморьем, Востоком и Средиземноморьем, и обширную группу северных племен, неизвестных в Причерноморье и незнакомых с его культурой.

Начиная с глубокой древности, племена Северного Причерноморья, в свою очередь, также разделялись на две части, первоначально соответствующие двум физико-географическим районам страны. Лесостепное Поднепровье и земли, лежащие на запад по течению Буга и Днестра, представляли собой область древнейшей восточно-европейской земледельческой культуры. Племенам эпохи неолита, археологические памятники которых получили наименование Трипольских, еще в III—II тысячелетия до н. э. были известны здесь культуры проса, пшеницы и ячменя. Весьма вероятно, что именно отсюда земледелие распространилось и на другие восточно-европейские области. Степные пространства, лежащие восточнее, вокруг древней Меотиды, и относительно густо заселенные, повидимому, лишь в конце неолитической эпохи в связи с развитием скотоводства, в более позднее время также принадлежали преимущественно скотоводческим племенам. Деление варварских племен Северного Причерноморья на две части полностью сохранялось и в эпоху Геродота, писавшего о скифах-кочевниках и скифах-земледельцах. Археологические памятники тех и других хорошо известны. Это деление варварского населения было налицо и в первые века н. э., когда древняя Скифия стала именоваться Сарматией.

Оставляя в стороне кочевое население Приазовских степей, не имеющее прямого отношения к процессу формирования славянских племен,

обратимся к земледельческому населению Среднего Поднепровья.

От римской эпохи в области Среднего Поднепровья сохранились огромные могильники, известные под неточным наименованием «полей погребений» или «полей погребальных урн». Первый памятник этого рода был исследован В. В. Хвойка в 1897—1899 гг. у с. Черняхова в районе Триполья.¹

Могильник находится на плато водораздела, в 20—25 км от правого берега Днестра на склоне небольшой возвышенности. За три года раскопок было открыто около 250 могил, что составляет, однако, не больше половины всех погребений этого огромного «поля». В могильнике установлено параллельное бытование двух погребальных обрядов. Около трети исследованных могил содержали остатки трупосожжений, нередко помещенные в глиняных сосудах. В большинстве могил встречено труположение; умершие погребены в вытянутом положении, на спине, головой преимущественно на запад. Две могилы, находившиеся рядом в центральной части могильника, отличались большими размерами и были обложены по стенкам деревом, укрепленным с помощью вертикальных, вкопанных в землю столбов. Обе могилы были ограблены еще в древности, но, судя по остаткам богатой стеклянной и глиняной посуды, содержавшей богатый инвентарь, выделяясь среди других погребений, как правило относительно бедных и однородных по инвентарю, если не считать глиняной посуды, весьма изобильно представленной в большинстве могил.

В те же и последующие годы В. В. Хвойка были произведены раскопки «полей погребений» в с. Ромашках на р. Гороховатой, притоке р. Росси, и в с. Зарубинцы; недалеко от правого берега Днестра выше Канева.² За последние годы «поля погребений» были раскопаны около с. Маслова в районе Черкасс³ и у с. Привольного

¹ В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье. Записки Русского археологического общества (ЗРАО), т. XII, нов. сер., 1901, стр. 172—181. В публикации неправильно указаны годы раскопок.

² В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 181—185.

³ П. Смоличів. Археологічні дослідження в околицях м. Златополя на Черкащині року 1926. Короткі звідомлення за 1916 рік Київ, 1927, стр. 154 и сл. Раскопки были продолжены; материал не опубликован.

около Днепропетровска.¹ Кроме этого было установлено местонахождение нескольких десятков могильников, позволяющих обрисовать район распространения «полей погребений». На востоке область «полей погребений» доходит до Полтавщины, совпадая с областью городищ скифов-земледельцев; по течению Днепра могильники известны повсеместно на участке устье Десны — Днепропетровск. Отсюда они широкой полосой идут на запад и Северное Прикарпатье, выступая там под наименованием Липецкой культуры² (рис. 1).

В Средней Европе «поля погребений» римского времени восходят к памятникам так наз. Луижской культуры, относящейся к эпохе бронзы и раннего железа. В Поднепровье инвентарь «полей» указывает не на средне-европейские, а прежде всего на глубокие местные культурные традиции.³ Наиболее древнее из «полей погребений» Поднепровья — Зарубинский могильник, относящийся к последним векам до н. э. и первым векам н. э., — дало большой керамический материал,⁴ полностью повторяющий посуду несколько более ранних скифских курганов. И там и здесь глиняная посуда имеет черный цвет, покрыта лощением и представлена одинаковыми видами сосудов, а именно: высокими ребристыми горшками, сосудами с ручками и низкими мисами. Основанием для датировки Зарубинского могильника являются найденные там провинциальные римские фибулы архаического типа. Погребальный обряд «полей погребений», неизвестный в Среднем Поднепровье в скифское время, тем не менее в известной части может быть генетически увязан с погребальными обычаями скифов-земледельцев. В скифских курганах Киевщины, Полтавщины и Волины можно встретить как трупосожжения, нередко помещенные в урны и окруженные большим количеством глиняных сосудов, так и трупоположения.⁵ Могилы, обложенные деревом, открытые в «полях погребений», обычны и в скифских курганах, причем способ крепления деревянных стен с помощью вертикальных столбов совершенно аналогичен в тех и других памятниках. По утверждению В. В. Хвойка, которое никем не было опровергнуто, культурные остатки эпохи «полей погребений» имеются на многих среднеднепровских городищах, восходящих к скифской поре.⁶

Таким образом археологический материал как будто бы свидетельствует об автохтонности населения, оставившего «поля погребений» Сред-

него Поднепровья. Появление здесь этих могильников отражает, однако, огромные перемены в жизни местного земледельческого населения и перемены, несомненно, не только социальные, общие для всей варварской периферии Римской империи, связанные с эпохой «переселения народов», но и этнические, связанные с процессом этногонии.

Культура населения, известного по «полям погребений», сложившаяся около начала нашей эры, в основных чертах оставалась неизменной в течение пятисот лет. Огромные «поля погребений», служившие кладбищами в течение столетий, говорят об отсутствии значительных передвижений населения.

Судя по раскопкам около Масловки и Привольного, где недалеко от «полей погребений» были открыты одновременные с ними селища, в начале нашей эры, как и в скифскую пору, жилищем в Поднепровье служили землянки, точнее, полуземлянки с крышами на поверхности земли.¹ Инвентарь погребений свидетельствует о мирном земледельческом быте обитателей Среднего Поднепровья. В могилах встречаются: керамика, чаще местная, ручной работы, нередко привозная или же изготовленная на гончарном круге по причерноморским образцам, предметы убора и украшения, глиняные прясли для веретен, иногда железные серпы и наконец кости домашних животных и птиц (овцы, свиньи, куры).

Оставаясь, повидимому, вне активной политической жизни, развращающейся на границах восточных и северных провинций империи, племена Среднего Поднепровья тем не менее были тесно связаны с Причерноморьем; об этом говорит провинциально-римская окраска инвентаря погребений, более яркая на юге, менее выделяющаяся в северных районах. Большинство предметов убора и украшений, происходящих из «полей погребений», представлено формами, широко бытовавшими в Причерноморье. Здесь встречаются фибулы Т-образные — I—III ст., с лопастью над приемником — III—IV ст., двухлопастные — IV—V, а может быть и VI ст. н. э. Здесь имеются разнообразные поясные пряжки, начиная от позднесарматских и кончая ранними формами так наз. «готских» пряжек. Здесь представлены разнообразные бусы, подвески из морских раковин и, наконец, монеты II—III ст. н. э. Все эти вещи нельзя рассматривать в качестве обязательно привозных; большинство из них изготовлялось на месте. Но законодателем моды было Причерноморье, отсюда шли новые образцы. Огромное количество римских монет первых веков н. э., находимых в виде кладов, свидетельствует о том, что население Среднего Поднепровья теснейшим образом было связано с римским Причерноморьем и что римская монета являлась важнейшим элементом экономической жизни местного варварского населения.

¹ Материал в Днепропетровском музее.

² W. Antoniewicz. Archeologia Polski, стр. 174. — K. Tackenberg. Zu den Wanderungen der Ostgermanen. Mannus, 1930.

³ В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 188—189.

⁴ Там же, стр. 182 и сл., 189.

⁵ А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, стр. 87—143.

⁶ В. В. Хвойка. Городище Среднего Поднепровья. Тр. XII Археол. съезда, 1905, стр. 93 и сл.

¹ Материалы находятся в Днепропетровском музее.

Судя по материалам, собранным еще В. Г. Ляскоронским,¹ клады римских монет сосредоточиваются, главным образом, в области Правобережья, но они нередки и в Левобережье. Их распространение в основном совпадает с территорией «полей погребений».

В настоящее время, вследствие плохой изученности археологических памятников Украины, остается почти недоступным для исследования время VII—VIII ст. н. э. Неизвестно, что следует за культурой «полей погребений», какой материал заполняет трехвековой промежуток между «полями» и памятниками эпохи возникновения Древней Руси. Отдельные вещи этой эпохи, происходящие из случайных находок или старых раскопок, не могут послужить основанием для каких-либо серьезных выводов. Единственно, на что можно опереться, пытаюсь подойти к решению вопроса о дальнейшей судьбе населения «полей погребений», — это мнение В. В. Хвойка о генетической связи этого населения с населением средневековой Руси, что было установлено им на основании изучения многочисленных городищ.² Как мы увидим ниже, сопоставление материалов «полей погребений» с археологическими памятниками IX—X ст. не противоречит этому мнению. Следовательно, огромный этнический массив, занимавший Среднее Поднепровье в начале и середине I тысячелетия н. э., сложившийся в предыдущие столетия из многочисленных скифских земледельческих племен и их ближайших соседей, проблематично можно рассматривать как массив древнеславянский.

II

К северу и северо-востоку от территории среднеднепровских «полей погребений», в лесной области Восточной Европы в начале нашей эры обитало множество варварских племен, распадавшихся на целый ряд локальных групп, обычно связанных с бассейнами рек или другими естественным образом очерченными районами. Памятниками I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры в лесной полосе Восточной Европы являются многочисленные городища. В отличие от открытых поселений Среднего Поднепровья, на севере в эту эпоху были распространены миниатюрные поселки, обычно расположенные на труднодоступных местах, на отрогах речных берегов, и обведенные невысокими земляными валами и рвами. При раскопках на городищах встречаются остатки жилищ, полуземляных или наземных, с каменными очагами. Культурные остатки рисуют примитивный скотоводческо-земледельческий быт патриархальных общин, относительно однородный на широких простран-

ствах Верхнего Поднепровья, в бассейне Оки и в Верхнем Поволжье.

Количество городищ, известных в настоящее время, исчисляется тысячами. Еще А. А. Спицыным было замечено, что вдоль берегов рек они распределяются неравномерно, а компактными группами по 3—4. Такая группировка поселений представляет собой чрезвычайно характерную черту эпохи первобытно-общинного строя, когда каждый род имел свою обособленную территорию, часть территории племени, и когда поселки, принадлежавшие одному роду, группировались вместе.¹

Начало более или менее систематического изучения древних городищ лесной полосы Восточной Европы было положено двумя сводными работами А. А. Спицына: «Городища дьякова типа»² и «Новые сведения о городищах дьякова типа»,³ вышедших в свет в 1903 и 1905 гг. До этого времени материалы отдельных памятников публиковались А. С. Уваровым,⁴ Н. И. Булычевым,⁵ В. И. Сизовым,⁶ В. А. Городцовым⁷ и некоторыми другими исследователями. Подытожив имевшиеся материалы, А. А. Спицын ошибочно объяснил городища в качестве остатков культовых мест, отнес их к памятникам «дорусского» населения и определил их время VI—VIII ст. н. э. В эти же годы ряд соображений о городищах лесной полосы высказал В. А. Городцов. На основании материалов городища у с. Городец на левом берегу Оки около г. Спасска им было установлено, что эти памятники следует рассматривать и как остатки поселений. Им были открыты остатки жилищ в виде прямоугольных землянок.⁸ Городища датировались В. А. Городцовым эпохой от III ст. до н. э. до III ст. н. э.,⁹ что, как мы увидим ниже, значительно больше отвечало действительности, чем датировка

¹ П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. ИГАИМК, вып. 106, 1935, стр. 154—155.

² Записки Отделения русской и славянской археологии (ЗОРСА), V, вып. 1, 1903.

³ Та же серия, VII, вып. 1, 1905.

⁴ А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Тр. I Археол. съезда, II, 1871.

⁵ Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.

⁶ В. И. Сизов. Дьяково городище. Тр. IX Археол. съезда, II, 1897. — Он же. Раскопки Дьякова городища. Археол. изв. и зам., 1893.

⁷ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Белявском и Рязанском уездах в 1897 г. Археол. изв. и зам., VI, 1898, стр. 218—223. — Он же. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. Древности, т. XVII, стр. 1—10. — Он же. Дневник археологических исследований в долине р. Оки, произведенных в 1898 г. Древности, т. XVIII, 1901. — Он же. Материалы к археологической карте XII Археологического съезда, т. I, 1905, стр. 515 и сл.

⁸ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований 1898 г. Археол. изв. и зам., VII, 1899.

⁹ В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 375.

¹ В. Г. Ляскоронский. Находки римских монет в области Среднего Приднепровья. Тр. XI Киевского археол. съезда, т. I, 1901, стр. 458.

² В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, нов. сер., 1901, стр. 189.

А. А. Спицына. В последние годы, благодаря работам В. А. Городцова,¹ А. В. Арциховского,² О. Н. Бадера³ и других исследователей, время городищ установлено еще более точно, намечены хронологические и локальные группы этих памятников и, наконец, окончательно установлено, что они являются остатками поселений, а не культовых мест.

Оказалось, что древнейшие из городищ, такие, как Старшее Каширское на Оке около Каширы,⁴ Кондраковское на Оке в районе Муроме,⁵ городище у с. Городищи в Верхнем Поволжье около Калязина⁶ и некоторые другие, восходят к середине и даже к первой половине I тысячелетия до н. э. Более того, есть некоторые основания предполагать, что первые городища в лесной полосе появились еще в эпоху бронзы, на грани II и I тысячелетий до н. э.

Верхняя хронологическая граница городищ различна в разных районах. На Оке, в среднем и нижнем ее течении, городища, как правило, не идут дальше III—IV ст. н. э.⁷ В Верхнем Поволжье они доходят до IV—V и начала VI ст. В верховьях Оки и Днепра верхние слои городищ датируются VII—VIII, а нередко и IX—X ст., залегая непосредственно под наслоениями и остатками культуры эпохи Древней Руси.⁸

Хронология ранних дьяковских городищ, — о более поздних речь будет идти ниже, — строится на основании находок вещей южного или прикамского происхождения, время которых может быть определено с достаточной точностью. На Юхновском городище на Десне⁹ и на Старшем Каширском городище¹⁰ найдены вещи, известные по скифским памятникам середины

I тысячелетия до н. э. На городищах у с. Гремячего на Оке,¹ на Топорке² и Черной Горе³ в Верхнем Поволжье найдены бронзовые украшения, хорошо известные по позднеананьинским и раннепьяноборским могильникам Прикамья первых веков до н. э. и первых веков после н. э. На Банцеровском городище около Минска найдена архаичная фибула,⁴ такая же, какие встречаются в наиболее ранних «полях погребений». Количество подобных находок, особенно за последнее время, стало настолько значительным, что появилась возможность разбить городища лесной полосы на ряд хронологических групп, в частности выделить интересующую нас сейчас группу памятников начала I тысячелетия н. э.

Параллельно уточнению хронологии городищ все более и более отчетливо выступала их территориальная дифференциация и обрисовывались особенности, свойственные той или другой локальной группе памятников, отражающие различия культуры отдельных племенных групп. Еще А. А. Спицыну в 1905 г. было ясно, что городища составляют ряд особых групп. Он писал тогда о городищах тверских, считая их наиболее поздними, о группе верхнеокских городищ, о городищах владимирско-московских, среднеднепровских, литовских и некоторых других группах, намеченных предположительно, так как материал в то время был еще невелик.⁵ В. А. Городцовым была обрисована группа городищ низовьев и среднего течения р. Оки и Западного Приволжья, названная им «городецкой», по имени уже упомянутого выше городища у с. Городец.

В настоящее время территориальная классификация городищ и синхроничных им памятников — селищ и могильников — также не может считаться законченной. Сложность ее построения заключается в том, что в течение столетий племенные группы лесной полосы, по видимому, не оставались неизменными. Среди древнейших городищ, синхроничных скифским памятникам на юге, намечаются особые локальные группы, связанные с различным характером культур эпохи бронзы, на основании которых сложились эти варианты древней культуры железного века лесной полосы Европейской части СССР. С течением времени, к первым векам н. э. эти группы несколько видоизменились.

¹ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1834. — Он же. Старшее Кропотковское городище. Тр. Этнографо-археол. музея МГУ, вып. IV. — Он же. Болотное Огубское городище. Тр. Гос. ист. музея, т. I, 1926. — Он же. Результаты исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища. Рязань, 1930.

² А. В. Арциховский. Бородинское городище. Тр. Секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук (РАНИОН), т. IV.

³ О. Н. Бадер. Отчет о работах 1932—1933 гг. на строительстве канала Москва — Волга. ИГАИМК, вып. 109, 1935.

⁴ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище.

⁵ Исследовано О. Н. Бадером, материал хранится в Муромском музее.

⁶ Исследовано автором в 1935—1937 гг. Материал хранится в Ленинградском Гос. университете.

⁷ П. П. Ефименко. К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. Сов. археол., № 2, 1937.

⁸ См. указанные выше материалы Н. И. Булычева и материалы из обследований последних лет, опубликованные в сборниках «Прады Археологічної камісії АН БССР» (I—III, 1926—1930).

⁹ Н. В. Трубникова. К вопросу о Юхновском городище. Тр. Гос. ист. музея, вып. VIII, 1938, стр. 123 и сл.

¹⁰ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 45.

¹ Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки, М., 1899.

² Ю. Г. Гендун. Городище Топорок. Тр. II Обл. Тверского археол. съезда, 1903.

³ А. А. Спицын и Н. К. Рерих. Мелкие заметки. ЗОРСА, т. VII, вып. 2, 1905, стр. 251—252.

⁴ Материал хранится в Институте истории АН БССР.

⁵ А. А. Спицын. Новые сведения о городищах дьякова типа. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, 1905, стр. 91—93.

III

В верхнем течении Днепра, выше северных границ «полей погребений», намечаются три локальные группы памятников начала нашей эры — одна в Правобережье и бассейнах Припяти и Березины, другая — в верховьях Днепра, третья — по Левобережью, в бассейне Десны (рис. 1).

За последние годы по берегам Припяти и в области междуречья Припяти, Березины и Днепра были открыты своеобразные памятники, в виде «полей погребений», но не среднеднепровского, а несколько иного характера. Во всех известных случаях они представляли собой миниатюрные могильники, расположенные обычно на дюнных всхолмлениях по берегам реки, содержащие исключительно трупосожжения. Керамический материал северных «полей погребений» отличается грубой выделкой, но близко напоминает местную посуду городищ и «полей» Среднего Поднепровья. Кроме керамики на могильниках было найдено несколько мелких предметов, на основании которых возможно установить время памятников.

Наиболее значительные находки были сделаны на могильнике в урочище Казаргац на Припяти около Турова. «Поле погребений» располагалось на краю дюнного всхолмления и состояло не более чем из 20—25 погребений однородного характера.

Пережженные человеческие кости помещались в неглубокие ямы и сопровождалась глиняными сосудами, иногда с лощеной поверхностью черного цвета, в форме высоких горшков, широких мис или небольших сосудов с боковой ручкой, почти таких же, как местная посуда из среднеднепровских «полей погребений» (рис. 2). Здесь были найдены также обломки мелких бронзовых и железных украшений, среди которых лишь одно может служить для определения даты памятника. Это трапециевидная бронзовая подвеска, украшенная по краю выпуклостями, обычная среди древностей середины I тысячелетия н. э. (рис. 2).¹

Рядом с могильником на той же дюне встречены остатки поселения. Помимо керамики, повторяющей находки на «поле погребений», там была найдена грубая лепная посуда, украшенная по венчику округлыми ямками, сквозными отверстиями или же вдавлениями неправильной формы. По шейке некоторых сосудов проходил выпуклый валик (рис. 2). Эта керамика очень напоминает посуду скифских городищ более южных районов, отличаясь от нее грубостью изготовления.² Такая же керамика найдена на уроч. Пристань, в этом же районе. Вместе с ней оттуда происходит архаичная арбалетовидная фибула I—II ст. н. э. (рис. 2).³ Наконец такая же точно керамика найдена на соседнем горо-

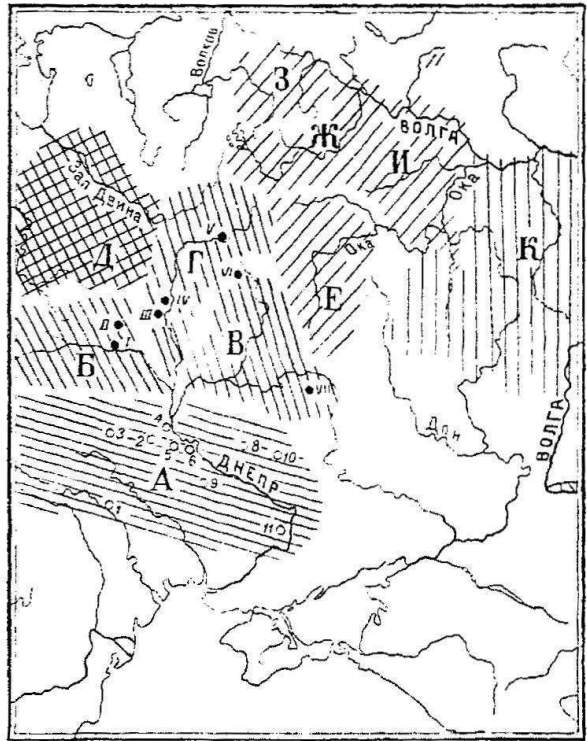

Рис. 1. Схема карты локальных групп археологических памятников начала н. э.

А — поля погребений Среднего Поднепровья (1 — Погорелое, 2 — Дедовщина, 3 — Татарское селение, 4 — Черняхово, 5 — Ромашки, 6 — Зарубинцы, 7 — Пуховка, 8 — Гурбинцы, 9 — Маслово, 10 — Барановка, 11 — Привольное); Б — южно-белорусские городища; В — деснинские городища; Г — верхнеднепровские городища. Поля погребений Верхнего Поднепровья обозначены римскими цифрами (I — Каваргац, II — Старобин, III — Проскуры, IV — Ново-Быхов, V — Верхние Намыкары, VI — Печуры, VII — Пенские пески); Д — северо-белорусские городища; Е — верхнеднепровские городища; Ж — верхнеднепровские городища; И — валдайские городища; К — среднеднепровские городища.

дище, представляющем собой миниатюрное укрепление круглой формы, занимающее небольшое всхолмление, диаметром всего лишь 40 м.¹

Миниатюрные «поля погребений» были встречены по Случи в районе Старабина и по правым притокам Припяти к югу от Бобруйска.² Западнее такие «поля» доходят, повидимому, до среднего течения Вислы. Их рассматривают там обычно как гальштадтские памятники.³ Керамика указанных типов во всем этом районе встречена в нижних слоях многочисленных городищ,⁴ к сожалению, почти не подвергавшихся исследованию.

Группа памятников Днепровского Правобережья в области бассейна Припяти и Березины в дальнейшем будет именоваться южно-белорусской.

«Поля погребений» с трупосожжениями, близкие южно-белорусским, встречены и к северу от Смоленска, выше его, на правом берегу

¹ Там же, стр. 362—363.

² Там же, стр. 285.

³ T. Reymann. Cmentarzysko późnonieolityczne i halsztackie w Piasku, w pow. lublinieckim na G. Slasku. Przegląd Archeologiczny, IV, 1. Познань, 1929, стр. 47 и сл.

⁴ Працы Археалягічнай камісіі АН БССР, II, 1930, стр. 285.

¹ Працы Археалягічнай камісіі АН БССР, II, 1930, стр. 351—356.

² Там же, стр. 342—351.

³ Там же, стр. 358—362.

Днепра у д. Верхние Намыкары¹ и в районе Ново-Быхова,² где еще в 1904 г. два «поля» обследовал Е. Р. Романов.³ Керамика древних смоленских городищ оказалась, однако, несколько иной, чем посуда городищ бассейна Припяти. Она не имеет, как правило, никакой орнаментации. Повидимому, верховья Днепра были заняты особой племенной группой — верхнеднепровской, о которой в настоящее время можно сказать очень мало, так как раскопки древних городищ, известных в этом районе в числе нескольких сот, почти не производились.⁴

селения от плато высокого берега, либо имеют большую протяженность, окружая древнее поселение со всех сторон.

В 1906—1907 гг. С. А. Гатцуком был обследован целый ряд городищ в области среднего течения Десны.¹ На Юхновском городище в районе Новгород-Северска, на Мезинском городище около Кролевца, на городищах того же района — Рядичевском Мещанском, Рядичевском Московском, Городищенском и ряде других была найдена в основании культурных наслоений грубая глиняная посуда, украшенная по

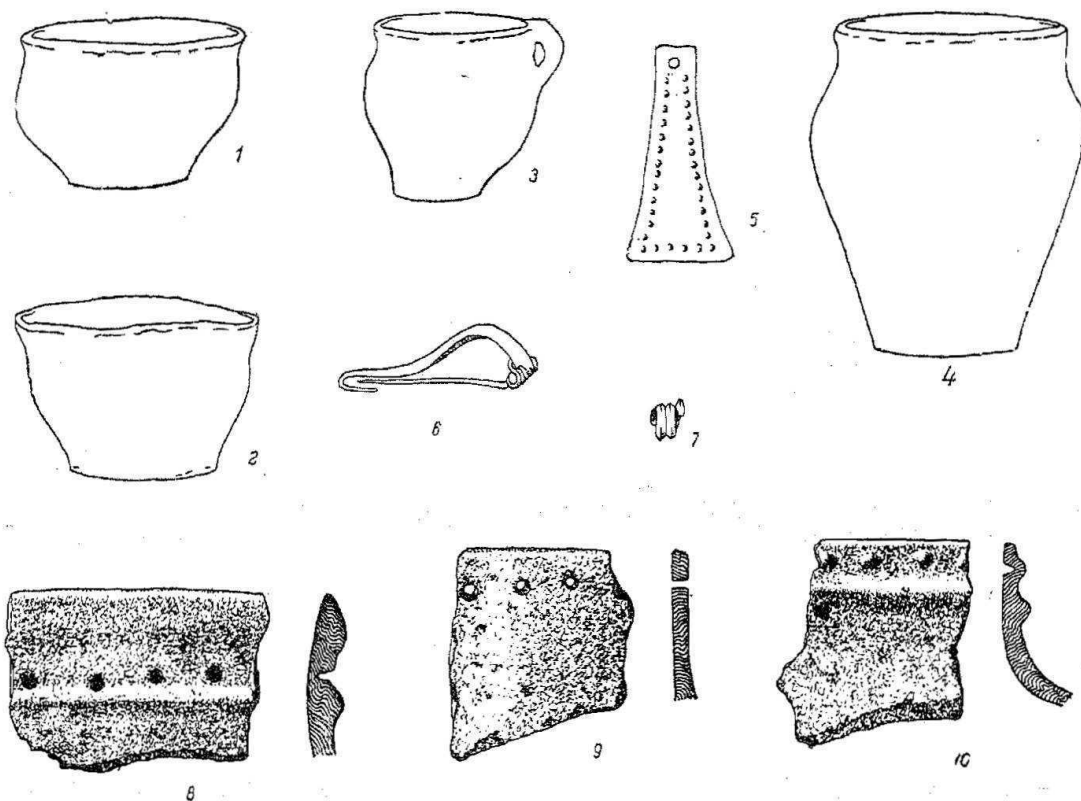

Рис. 2. Южно-белорусские городища и «поля погребений».

1—4 — посуда из «полей» Казаргац; 5 и 7 — украшения отсюда же; 6 — фибула из уроч. Пристань; 8—10 керамика из уроч. Пристань и Казаргац.

Третьей племенной группой был занят бассейн Десны, Сейма и, повидимому, Ипути. По берегам этих рек и их мелких притоков известно множество городищ, обычно таких же небольших, как и южно-белорусские. Большинство городищ располагается на отрогах высокого речного берега. Ров и вал либо отрезают место по-

шейке примитивными узорами из неправильных ямочных вдавлений (рис. 3). На этих же городищах встречаются в большом числе непонятные глиняные блоки, шаровидной, конической, биконической и эллипсоидной форм. Они снабжены отверстиями, обычно не сквозными, а проходящими до половины или двух третей толщины или высоты глиняного блока. Назначение этих предметов, часто в огромном количестве встре-

¹ Там же, стр. 282.

² Там же, стр. 356.

³ Архив ИИМК, дело № 184/1904 г.

⁴ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смоленского Гос. ун-ва, т. III, вып. 3, 1926.

¹ Архив ИИМК, дело № 55/1906 г. и дело № 41/1907 г.